

Мари-Мадлен
де Любэр

ТЕКСЕРИОН

Сказка

1737

18+

Мари-Мадлен де Любэр
Тексерин

«Автор»

2026

де Любэр М.

Тексерион / М. де Любэр — «Автор», 2026

В королевстве Тексериона любовь под запретом: влюблённых превращают в страусов. Но сам суровый чародей пленяется красотой Бельзамины, а её сердце выбирает другого. Феи-соперницы, заколдованные подарки, Говорящий лес и путешествие на Венеру превращают историю любви в ироническую сказку о верности, ревности и власти. Полный перевод произведения Мари-Мадлен де Любэр по изданию 1737 года, с авторским предварительным рассуждением, примечаниями и новыми цветными иллюстрациями. Издание предназначено для взрослого читателя; исторический текст не адаптирован для детей. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© де Любэр М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предварительное рассуждение	6
Тексерион, или Принц страусов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тексерион

Предисловие к русскому изданию

В королевстве Тексериона любовь запрещена, а непокорных влюблённых превращают в страусов. Сам тиран, однако, не защищён от чувства, которое преследует в других. Так начинается «Тексерион» — сказка, напечатанная в 1737 году и приписываемая французской писательнице Мари-Мадлен де Любэр.

Здесь волшебство проверяет не только верность. Красота и безобразие, ревность и великодушные, власть и право любить становятся предметом иронической игры. Говорящие деревья обсуждают законы своего леса, а жители Венеры судят земные привычки по собственным правилам. Даже благополучная развязка сохраняет насмешливую двойственность: новый властитель отменяет прежние запреты, но готов предписывать подданным уже противоположное чувство.

Перевод выполнен по французскому изданию 1737 года. Сохранены авторское предварительное рассуждение и весь текст сказки; учтён заключительный лист опечаток. Особенности источника пояснены в примечаниях.

Перед вами старинная французская сказка в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Предварительное рассуждение

Мы не намерены ни просить снисхождения к этой сказке, ни хвалить её. Первое было бы по меньшей мере бесполезно, а второе обнаружило бы тщеславие, которого у нас нет. Поэтому обычное предубеждение против предисловий было бы несправедливо по отношению к этому: оно написано с иной целью.

«Тексерион» — волшебная сказка; мы смиренно в этом признаёмся. И даже считаем нужным предупредить, что это всего лишь сказка. Не то чтобы мы опасались, как бы её не приняли за эпическую поэму; но остроумные знатоки политики могли бы искать в ней тайный смысл и аллереорию, которых мы туда вовсе не вкладывали. Нам было бы досадно, если бы сочинение понравилось благодаря красотаи, которые читатели сами в нём вообразят: ведь эти красоты были бы чужими, а нельзя приписывать себе заслугу в том, что тебе не принадлежит.

В прежнее время принято было гордиться тем, что понимаешь Рабле; признаться, что находишь его непонятным, значило отказаться от блистательного звания тонкого ума. В этой причудливой смеси хорошего и дурного люди изводили себя, стараясь отыскать смысл там, где его не было, изящество — в самых грубых вещах, тайну — в самых простых, одним словом, тонкость — повсюду. Наконец от этого отказались. Теперь признают, что слишком долго позволяли нелепостям Рабле морочить себе голову и что истинная тонкость ума состоит в умении понимать то, что написано для понимания. Просим же помнить это общее правило и применять его, читая «Тексериона».

Мы могли бы без всякого риска объявить, будто подлинник этой сказки благодаря самому необыкновенному стечению обстоятельств отыскался среди развалин какого-нибудь старого замка или в кабинете учёного, откуда его извлёк знаток; либо сказать, что сказка переведена с чужого языка. Нам, пожалуй, поверили бы не меньше, чем тысяче других авторов, которые придают своим рукописям вид участниц удивительных приключений, полагая, что это необходимо, хотя обыкновенно получается лишь смешно.

Вопреки общепринятому изречению мы решили, что часто лучше заниматься пустяками, чем вовсе ничем не заниматься, и для собственного удовольствия написали эту сказку. Хотелось бы, чтобы и другие нашли удовольствие в её чтении. Впрочем, нас не заботит, понравится ли она всем без исключения, например геометрам или метафизикам, для которых она не предназначена. Но и эти господа не должны запрещать её людям иного склада ума, чем они сами, — тем, для кого она и написана. Философ, не понимающий, как разумные люди могут занимать себя волшебной сказкой, вовсе не философ. Он забывает, что не все имеют счастье или несчастье быть философами и находить вкус в одних лишь философских идеях.

Мы не утверждаем, будто волшебные сказки — род сочинений, сравнимый с историей или даже с обыкновенным романом. Однако, исходя из того бесспорного положения, что достоинства разных родов сочинений соотносятся с различными складами ума, мы полагаем: эти сказки могут быть хороши и даже, вообще говоря, лучше превосходных книг, потому что подходят большему числу людей.

Предположим даже, что в них нет ни поучения, ни пользы, — что почти невозможно. Эти вымышленные повествования всё равно будут хороши, если доставят удовольствие, по той очевидной причине, что удовольствие само по себе есть благо. Ведь утверждать, будто приятное неотделимо от полезного, — несостоятельный парадокс. Пусть их соединяют, насколько это возможно, — прекрасно! Особенно желательно, чтобы полезное всегда сопровождалось приятным: оно часто нуждается в нём, чтобы понравиться. Но приятное может идти и в одиночку, уверенное, что всюду встретит радушный приём.

Поэтому хороший танцовщик, великий актёр, превосходный мим — люди, ценные для общества. Их презирают больше, чем они в действительности заслуживают, зато любят и ими

восхищаются сверх их заслуг. Они бесконечно ниже глубокого математика, искусного метафизика, учёного знатока древностей, хорошего оратора; но в обычном течении жизни их дарования приятнее и находят больше применения, чем высшие таланты. Они владеют искусством доставлять удовольствие, прогонять скуку, рассеивать горе и печаль — одним словом, хотя бы на несколько мгновений делать людей счастливыми. Можно ли чрезмерно вознаградить подобные блага? Можно ли слишком дорожить теми, кто нам их дарит?

Примерно то же можно сказать и о волшебных сказках, если иметь в виду большое число читателей. Как бы ни был смешон их замысел, как бы ни были нелепы чудеса, на которых они построены, они хороши для тех, кого занимают и избавляют от скуки: ведь развлечение, как уже было сказано, — благо, а скука — зло. Наконец, мы считаем несомненным, что есть мудрость в умении находить удовольствие в безумии.

Этого достаточно в защиту волшебных сказок вообще. В пользу «Тексериона» мы больше ничего не прибавим. Если кому-нибудь доставит удовольствие читать его или критиковать, мы тем или иным путём достигнем своей цели: посвятив этому досуг, поспособствуем удовольствию других.

Конец.

Тексерион, или Принц страусов

Новая волшебная сказка

В стране, соседней с королевствами Романсии, жил некогда злой король по имени Тексерион. Никто никогда не видел его улыбающимся; он не знал другого удовольствия, кроме удовольствия причинять зло. К тому же природа словно нарочно дала ему такую наружность, чтобы сделать ещё ненавистнее: одним словом, уродство его не уступало злобе. Никогда не было подданных несчастнее, чем у него; он любил отправлять их на виселицу и находил наслаждение в этой жестокости.

Не менее ненавистно было его имя соседям. Не было такого злодейства, на которое он не отважился бы против них, и не было ничего невозможного для его волшебной силы: ко всему прочему он был великим чародеем. Стоило ему узнать, что соседний король влюблён в какую-нибудь прекрасную принцессу, как он превращал её в страуса, а влюблённого — в попугая, так что даже в собственных владениях государю не дозволялось любить.

Для несчастных подданных Тексериона любовь была ещё более непростительным преступлением. То ли потому, что он не способен был испытывать ничего, кроме ненависти, то ли потому, что хотел, чтобы любили только его, во всех его владениях запрещалось влюбляться. Но юношам и девушкам было так же невозможно жить без нежности друг к другу, как полюбить своего государя; поэтому каждый день можно было увидеть пары влюблённых, обращённых в страусов и попугаев. Впрочем, чаще их превращали в страусов:

тиран заметил, что в облике попугаев они сохраняют дар речи, а это могло служить им некоторым утешением после превращения.

Нетрудно догадаться, что, заставив подданных дать обет целомудрия и обращая их в страусов за его нарушение, Тексериион вскоре оказался королём страусиного народа. Вот до чего

довела его ненависть к любви! Впрочем, это его мало тревожило: у него хватало безумия предпочитать власть над страусами власти над людьми, да и в самом деле она была ему больше по нраву.

Уже давно царствовал он над этими птицами, когда узнал, что у одной королевы, вдовы могущественного короля, есть единственная дочь несравненной красоты. Её королевство называлось Цветочной империей, а юную принцессу, которой было около пятнадцати лет, звали Бельзаминой. С тех пор как на свете появились принцессы, ещё не видали такой красавицы. Грации наперебой трудились над её обликом, а природа наделила её умом, который делал её совершенством во всех отношениях. И что это был за ум! Самый тонкий, самый живой и шуточный — и в то же время самый основательный. Словом, она была чудом своего века. Не существовало столь отдалённого уголка мира, где не говорили бы о красоте и уме Бельзамины. Тысяча королей её обожала, но тысяча королей обожала её напрасно: бесчувственная принцесса не знала власти любви. Довольствуясь тем, что нравится, она не представляла себе, как можно любить. Между тем оракул грозил ей сильной и несчастной страстью: он предсказал, что, если она хоть раз покинет Цветочную империю, она полюбит лишь того, кто не полюбит её. Какое оскорбление для прекрасной принцессы и какая мука для принцессы влюблённой! Нельзя было сделать ей предсказания страшнее.

Хотя всем известно, что предсказанные оракулами несчастья неизбежны, люди всё-таки стараются их избежать. Поэтому королева не упускала ничего, что могло бы отвести беду от её прелестной дочери. Она позаботилась спрятать от неё все книги по географии, чтобы весь мир казался ей заключённым в пределах Цветочной империи и ей не хотелось оттуда уехать. И действительно, поскольку владения были весьма обширны, принцесса, при всей своей проницательности, не задумывалась, есть ли что-нибудь за их пределами. Кроме того, воспитательницы и сама королева непрестанно поучали её остерегаться любви: по любому поводу рассказывали о вероломстве мужчин и об опасности слушать их речи. Бедная принцесса усваивала эти уроки и, как все девушки, никогда не слышавшие ничего другого, смотрела на мужчин как на чудовищ. Она верила всему, что ей говорили, и считала предосудительным даже пожелать усомниться в этом.

Пока королева Цветов теряла время, внушая Бельзамине чувства, которые природа рано или поздно опровергает, Тексерион увидел портрет юной принцессы и влюбился в неё. Он созвал страусов, составлявших его совет, и объявил им, что непременно хочет жениться. Как изумились они такому предложению! Они не могли понять, каким образом их король, умевший только ненавидеть, оказался способен полюбить. Но портрет Бельзамины, который он им показал, объяснил это чудо: ослеплённые прелестями принцессы, они единодушно одобрили выбор Тексериона.

Тотчас одну знатную страусиху отправили просить руки принцессы от имени короля, вернув ей для этих переговоров дар речи. Однако ей велели заявить королеве Цветов, что, если та откажется отдать дочь, король страусов вместе со всеми страусами на свете обрушится на её королевство и предаст его огню и мечу. Посланница приготовилась исполнить это дерзкое поручение и отправилась в путь с несколькими подругами, составившими довольно резвую свиту.

Королева Цветов, узнав о посольстве и намерениях Тексериона, оказалась в чрезвычайном затруднении. Вместо того чтобы созвать совет по делу, требовавшему знаний, выходящих за пределы человеческого благоразумия, она сочла лучшим немедленно обратиться к самой искусной из тогдашних фей. Это была фея Миртов, жившая в одной из провинций её империи. Королева рассчитывала на её дружбу не меньше, чем на её знания, и была принята так, как желала. После обмена приветствиями фея Миртов взяла большую книгу, прочитала в ней несколько строк и сказала:

— Королева Цветов, принцессе Бельзамине грозит несчастье большее, чем брак с Тексерионом. Однако она избежит его, если сумеет без отвращения согласиться на этот союз.

— О боги! — воскликнула королева. — Моя дочь станет женой Тексериона! Неужели я с такой заботой воспитывала её лишь затем, чтобы сделать достойной этого чудовища? И как она сможет преодолеть отвращение, которое должен внушать ей столь ужасный облик? Разве сердце способно проникнуться чувствами, противными природе?

— Королева, — перебила её фея, — судьба сильнее природы. Поэтому склоните Бельзамину к браку, который вас пугает, и думайте лишь о том, как ослабить её отвращение, которое вас тревожит; иначе приготовьтесь увидеть её самым несчастным существом на свете.

При этих словах королева так испугалась, что у неё не хватило ни сил, ни присутствия духа ответить фее. Думая только о судьбе дочери, она поспешила обратно в столицу. Она прибыла туда одновременно со страусихами, которые тотчас попросили аудиенции. Королева выслушала их речь и попросила немного времени на ответ. Тут же она велела позвать Бельзамину в свои покои, тысячу раз обняла её, словно жертву, которую собиралась принести, и объявила, что нужно решиться выйти замуж за Тексериона. Как дорого обошлось её нежному сердцу это жестокое повеление! Ведь она без памяти любила дочь. Не политическая выгода заставляла её приносить такую жертву: угрозы короля тревожили её меньше, чем несчастья, предсказанные принцессе в случае отказа. Бельзамина, ещё не знавшая любви, не знала и собственной воли. Она любила мать сильнее, чем могла ненавидеть короля страусов; поэтому, не желая повергать её в отчаяние, решила повиноваться и обещала больше, чем была способна исполнить.

Королеву восхитила эта покорность, но она беспрестанно вспоминала роковое предсказание: если Бельзамина покинет Цветочное королевство, то полюбит человека, который не сможет её терпеть. Королева не могла представить, чтобы сердце её дочери стало чувствительным к Тексериону, и ещё меньше — чтобы Тексерион мог её не обожать. Поэтому пророчество, которое она сочла нужным скрыть от принцессы, оставалось для неё загадкой и причиняло жестокую тревогу. Однако она льстила себя надеждой, что оно не сбудется, если Бельзамина сможет выйти замуж за Тексериона, не покидая Цветочной империи. Но то ли по грубому упрямству, то ли по велению судьбы король ни за что не соглашался приехать в Цветочную империю для заключения брака. Всё, чего удалось добиться от его снисходительности, — обещание прибыть к границе. Поэтому Бельзамина была вынуждена отправиться вместе с матерью в Поле Анемонов, чтобы там встретить супруга, от которого ей следовало бы бежать на край света. Эта провинция лежала на самой окраине Цветочной империи и граничила с империей Топазов; с этой стороны два государства разделяла большая река, служившая им естественной границей.

На берегу реки возвышалось огромное фарфоровое здание. Именно этот дворец предназначили для свадебной церемонии.

Великолепный зал, выступавший над рекой, украсили к встрече всем самым редким и прекрасным, что только могли придумать. Стены из белого фарфора были покрыты прекрасными анемонами и драгоценными камнями на изумрудных ветвях, выходявших из золотых ваз, вделанных в фарфор; всё вместе образовывало беседку, столь же роскошную, сколь блистательную. Окна, каждое из цельного куска горного хрусталя, выходили на балкон, золотая ограда которого заканчивалась раковиной над рекой; та омывала ступени зала, как и стены дворца. Тысяча позолоченных лодок, расписанных всевозможными красками, представляла на воде прелестное зрелище, призванное развлечь принцессу. Устроили состязания на лодках и даже разыграли морское сражение.

Среди этих увеселений она три дня ждала Тексериона — несомненно, скорее со страхом, чем с нетерпением. На четвёртый день страусы, посланные возвестить о его

прибытии, сообщили, что он вот-вот появится. Тотчас юную Бельзамину украсили всеми драгоценностями короны, но великолепие нарядов ничего не могло прибавить к сиянию её красоты.

С кротким и весёлым видом она принимала приветствия страусов. Временами её охватывали печаль и страх, но, чтобы не усиливать горя королевы, заливавшейся слезами, она делала над собой усилие и казалась довольной своей участью. Наконец пришли сказать, что за рекой показались носилки Тексериона. Принц Топазов, сопровождавший своего дядю Тексериона, велел поставить на берегу великолепный шатёр, чтобы принять в нём принцессу во время её переезда. Король страусов остановился там и, взяв подзорную трубу, стал разглядывать принцессу, стоявшую на балконе дворца. Она показалась ему такой прекрасной, что он чуть не лишился чувств от изумления. Если бы его не поддержал страус, служивший ему конюшим, он упал бы навзничь.

— Приведите ко мне Бельзамину! — отрывисто приказал он своим страусам. — Я хочу жениться на ней немедленно, я больше не могу ждать.

— Что вы собираетесь делать, государь? — сказал ему принц Топазов. — Одумайтесь! Королева и принцесса не допустят, чтобы их вот так похитили. Насилие...

Тексерион не дал ему договорить. Разъярённый этим возражением, он бросил на него пылающий взгляд и угрожающе сказал:

— Кто придал вам столько дерзости, что вы перечите моей воле? Разве ей дозволено противиться? Взгляните на эту Бельзамину! Хотя я запрещаю вам находить её столь же прекрасной, какой вижу её я, я спрашиваю только: разве переправа через реку, долгая и хлопотная, должна стать преградой моим желаниям, когда я могу обойтись без этой церемонии и через мгновение получить принцессу?

И, обращаясь к страусам, он продолжал:

— Ступайте же, приведите мне королеву Цветов с дочерью, добром или силой! Иначе я сверну вам шеи, как и принцу, моему племяннику, чьи советы меня оскорбляют.

Тексерион говорил с такой яростью, что совершенно вышел из себя. Это волнение тотчас вызвало у него сильную лихорадку с повторными приступами и столь буйный бред, что его племянник, которого звали Мелидором, вынужден был приказать связать его. Одновременно он отправил к королеве одного из доверенных людей, чтобы попросить её спокойно оставаться у себя.

Но было уже поздно: страусы, напуганные угрозами Тексериона, похитили обеих государынь, не объяснив им даже причины своего появления, и через две минуты доставили их в шатёр короля, жизнь которого находилась в большой опасности.

Мелидор был юным принцем, очень привлекательным, кротким, великодушным и благодетельным — одним словом, полной противоположностью своему дяде. При этом могуществом он ему не уступал. Досада обманутой любви привела его ко двору Тексериона: здесь он надеялся легче забыть молодую кокетливую фею, к которой всё ещё был привязан, несмотря на её жестокую неверность. Зная нрав дяди, он счёл его беседу и общество весьма подходящим лекарством для возвращения душевного спокойствия. Он тешил себя надеждой, что, вдоволь злословя с ним о женщинах, изгонит из памяти возлюбленную и её измену. И действительно, любовь и ненависть Мелидора с каждым днём убывали, незаметно уступая место презрению. Между тем, столь успешно стараясь забыть неверную фею, он приобретал дружбу Тексериона, который, радуясь сходству их чувств, привязался к нему и стал смотреть на него как на собственного сына.

Так обстояли дела между ними, и при дворе короля страусов только и занимались тем, что поносили женский пол, когда туда привезли портрет Бельзамины. При виде этого портрета вся ненависть покинула короля: он впервые почувствовал любовь и тут же решил жениться на принцессе. Не меньше понравилась она и принцу Топазов. Как ни было сильно его предубеждение против женского вероломства, в тот же день он задумал заставить её полюбить себя, чтобы окончательно разорвать цепи феи, столь недостойно его обманувшей. Он был красив, знал это, и такое знание ручалось ему за успех ухаживаний. Слава победы над дядей и удоволь-

ствие отомстить неверной возлюбленной приятно ему льстили; вернее сказать, в его желании понравиться Бельзамине было больше тщеславия и мстительности, чем любви.

Тексерион не подозревал о чувствах племянника, поэтому с удовольствием принял его предложение сопровождать его, тем более что путь в Цветочное королевство неизбежно лежал через королевство Топазов. Мелидор даже взял с дяди обещание на обратном пути провести несколько дней в его владениях: там он желал, как говорил, воздать должные почести и ему, и принцессе, на которой тот собирался жениться. В самом деле, на протяжении всего путешествия Тексерион был восхищён вниманием племянника и ни в поведении, ни в речах его не заметил ничего, что могло бы внушить хоть малейшее недоверие, вплоть до их прибытия на берег реки, напротив Фарфорового дворца. Там мы и оставили тяжело заболевшего Тексериона и королеву Цветов с Бельзаминой, находившихся в шатре и весьма оскорблённых своим похищением.

Итак, на Мелидора легла обязанность принять государынь и исполнить за дядю обязанности хозяина; нетрудно понять, что при обстоятельствах, столь благоприятных его любви, он не забыл и собственных интересов. Он предстал перед королевой Цветов и юной принцессой с почтительным видом и предупредительными манерами, попросил прощения за совершённое над ними насилие и галантно оправдал его, возложив вину на прелести Бельзамины, которую Тексерион захотел увидеть прежде, чем умереть.

— Красота принцессы столь удивительна, — сказал он, бросив на неё нежный взгляд, — что король был бы слишком счастлив испустить дух у неё на глазах и в эту последнюю минуту тронуть её сердце. Ведь состояние, в котором он находится, — добавил принц, — не оставляет надежды на сохранение его жизни.

Бельзамина ответила лишь скромным молчанием; её робость и смущение Мелидор сумел истолковать в свою пользу.

Затем он провёл их во внутреннее отделение шатра, где король лежал в летаргическом оцепенении. Если бы искусство могло исправить облик чудовища, великолепие его одеяния и роскошь постели сделали бы его менее страшным; но под всеми украшениями оставался прежний Тексерион, то есть самый безобразный человек на свете. Представьте маленькое существо ростом около двух футов, половину которого составляло лицо, но такое худое и узкое, что оно почти терялось в шапке с наушниками, подбитой горностаем. Борода, столь же белая и словно сделанная из того же меха, что и подкладка шапки, спускалась ниже колен. Корона высотой в фут, вырезанная из единого сверкающего алмаза, нелепо смотрелась на его голове. Одеяние из пурпурного и чёрного бархата, всё в бриллиантовых застёжках, было, по правде сказать, прекраснейшей вещью на свете, но в то же время совершенно бесполезной для придания красоты королю страусов. Поскольку богатство и роскошь нарядов ещё не обладали волшебной силой делать уродцев красивыми, Бельзамина нашла Тексериона именно таким ужасным, каким он и был.

— Вот это ваш дядя, государь? — спросила она Мелидора, подходя к постели короля. — О небо! Неужели вот какой муж мне предназначен?

Растерянная королева не знала, как оправдать перед Мелидором эти оскорбительные восклицания; он же, держа в руке свечу, злорадно освещал всё уродство своего дяди.

— Государь, — сказала она ему, — вы видите, что моя дочь несколько удивлена, найдя такого супруга. Но следует надеяться, что ум и обходительность короля возместят его преклонный возраст, который юной особе всегда представляется отталкивающим недостатком.

Это прекрасное извинение было довольно бесполезно. Мелидор нисколько не был задет отвращением Бельзамины к его дяде; напротив, он был ей благодарен за живость и простодушие, с которыми она только что

выразила свои чувства.

Поэтому он ответил королеве с непринуждённой учтивостью и, выйдя из комнаты короля, проводил её в свой шатёр. Там, немного поговорив о болезни Тексерина, он галантно объяснил государыням, что они не могут оставаться в столь неудобном месте и что им будет

гораздо лучше на Бирюзовом острове, расположенном неподалёку. Они с удовольствием приняли предложение принца, и все немедленно отправились на этот остров, где находилась столица королевства Топазов. Туда же перевезли и Тексериона, которого ни врачи, ни путешествие не могли вывести из оцепенения.

Королеву Цветов и принцессу поселили во дворце, сделанном из цельной бирюзы безупречного голубого цвета. Двери, балконы и окна были алмазными. Это сияющее здание стояло посреди озера с чистой водой и соединялось с островом мостом из горного хрусталя, отделанным золотом и украшенным прекраснейшей бирюзой. Во дворец вошли как раз в тот миг, когда его только что украсили сверху донизу светящимися вензелями, повсюду сверкавшими именем Бельзамины. Принцессе отвели покои с голубой и золотой обивкой, и с этой минуты ей прислуживали как королеве страусов. У неё был многочисленный и даже довольно блистательный двор, хотя он состоял из одних страусов. Правда, Тексерион вернул им всем дар речи, так что это были говорящие и разумные страусы.

Летаргия Тексериона продолжалась сорок дней; все эти сорок дней непрерывно следовали один за другим праздники, приятно разнообразные и призванные развеять печаль юной принцессы. Словом, Мелидор ничего не жалел, чтобы понравиться ей и рассеять её грусть, но одно было труднее другого. Ненавистный образ Тексериона преследовал её повсюду, погружал в самые мучительные размышления и внушал всё большее отвращение, которое при виде привлекательного Мелидора нисколько не уменьшалось.

«Какая разница между этими двумя принцами! — говорила она себе. — И почему несправедливая судьба лишает меня свободы выбора?»

Она беспрестанно сетовала на роковое пророчество, столь противное её желаниям: королева открыла ей его, чтобы предупредить об опасности, которой она подвергалась, видя Мелидора.

Как опасно постоянно видеть того, кого боишься полюбить! Борясь со своим влечением к юному принцу, Бельзамина только глубже вонзала стрелу, уже ранившую её. Любовь и заботы Мелидора заставляли умолкнуть оракула и забыть его угрозы, и принцесса страшилась лишь одного несчастья — не стать женой Мелидора.

Однажды вечером, прогуливаясь по дворцовым садам со своими печальными мыслями в сопровождении молодой страусихи, одной из её фрейлин, она задала ей несколько вопросов — скорее чтобы заглушить горе, которое её подавляло, чем из любопытства. Между прочим, она спросила, каковы законы королевства, королевой которого ей предстояло стать, и почему там живут одни страусы. Вот что ответила страусиха:

— Наше королевство, государыня, не всегда было таким, как сегодня. Немногим более ста лет назад отец короля Тексериона, сильно разгневавшись на свою супругу-королеву из-за некоторых причинённых ею огорчений, проникся таким предубеждением против любви и против женщин вообще, что решил оградить сына от опасностей, которым подвергся сам, лишив его способности внушать любовь. Для этого он изменил облик Тексериона, который был тогда столь же прекрасен, сколь ужасен теперь. Но неразумный отец не подумал, что его сын, не имея возможности внушать любовь, всё-таки мог полюбить сам и что тогда превращение сделает его вдвойне несчастным.

— Впрочем, Тексерион скоро проникся теми чувствами, которых ожидал от него отец. Возмущённый собственным уродством, он перенёс превращение тела на свою душу и стал столь же мрачен и злобен, сколь прежде был кроток и весел. Впоследствии король раскаялся в том, что сделал сына чудовищем, но судьба не позволяла вернуть ему прежний облик. Умирая, он лишь уверил его, что однажды тот снова станет прежним, если найдёт принцессу, которая выйдет за него без отвращения.

— Тексерион понял, насколько бесполезно было бы пуститься в такие поиски. Всё более невыносимый для самого себя, он думал лишь о том, как отомстить за ненависть и презрение, которые, по его убеждению, внушал всем своим уродством.

— Его сестра, мать принца Мелидора, умерла через два года после своего мужа, принца Топазов. Поскольку Тексерион всегда очень её любил, эта потеря ещё более ожесточила его и довела его человеконенавистничество до крайности. С той поры, всецело предавшись ненависти, он поклялся изгнать любовь из своего королевства и даже из всего мира, если только сможет. И он действительно принялся за это: превращал в страусов всех своих подданных и подданных соседей, о чьей любви узнавал. Однако он предоставлял им выбор: в шестьдесят лет вернуть человеческий облик или остаться страусами, если им это больше нравится. Я видела немногих, кто в этом возрасте, уже не в возрасте любви, просил вернуть ему прежнее состояние; особенно это касается женщин. Они довольствуются возвращением свободы языка, которым пользуются до самой смерти, причём в страусином облике — с ещё большей лёгкостью.

— В одиночестве, среди своих обезлюдевших владений, Тексерион стал изучать судьбы; первой открылась ему судьба принца Мелидора.

— И что же обещала ему эта судьба? — живо перебила принцесса.

— Беспрецедентное несчастье, — печально ответила прекрасная птица. — Гибель по вине той, которая будет любить его сильнее всех.

— О небо! — воскликнула принцесса. — Значит, мне никогда нельзя любить никого, кроме Тексериона?

Произнеся эти слова и поняв, что сказала лишнее, она притворилась, будто ей дурно, и вернулась во дворец. Тотчас, несмотря на увещевания королевы и настойчивые просьбы Мелидора, желавших, чтобы она появилась на балу, она легла в постель и попросила оставить её одну, объяснив, что нуждается в отдыхе. Между тем бедная принцесса была весьма далека от возможности отдохнуть, да и удалилась вовсе не ради этого. Как только она осталась наедине со страусихой, уже беседовавшей с нею, она велела продолжить историю принца Мелидора. Страусиха повиновалась и сказала:

— Итак, государыня, я имела честь сообщить вам, что судьба грозила принцу потерей жизни по вине той, которая будет любить его больше всех, и что король, его дядя, своими знаниями открыл эту гибельную тайну. Вот почему он решил скрыть юного Мелидора от всех женщин на свете, намереваясь, впрочем, вернуть ему человеческий облик в шестьдесят лет. Но он не мог совершить такое превращение против воли принца. Поэтому он всеми способами пытался добиться его согласия, однако всегда напрасно. Мелидор отвечал, что предпочитает умереть от счастья быть любимым, чем от горя из-за невозможности быть любимым. Дяде пришлось удовольствоваться этим доводом, хорош он был или плох, и заботиться лишь о том, чтобы внушить ему чувства, которые произвели бы такое же действие, как превращение. Для этого он отнял его у женщин и поручил воспитание строгим наставникам, которые с важным видом с утра до вечера повторяли ему, что он не должен ни любить, ни стремиться внушать любовь. Мелидор не слишком внимательно слушал эти уроки: его от природы нежное сердце с удовольствием предавалось сладкой, заманчивой мысли, что истинное счастье — нежно любить того, кто любит тебя так же.

— Между тем он рос и наконец стал сам себе господином. Он вспомнил о доброте, которую проявляла к нему фея Миртов, известная своим благоразумием, и счёл своим долгом посетить её, выразить почтение и поблагодарить за добрые советы. Эта фея тогда отдавала все свои силы воспитанию молодой феи Ренонкюль, своей кузины. Но заботы были довольно бесполезны: Ренонкюль была прирождённой кокеткой, скрытной и неспособной заботиться о чём-либо, кроме того, как утаить от кузины свои маленькие любовные проделки.

— Итак, Мелидор отправился к королеве Миртов и случайно прибыл в тот день, когда она давала во дворце

большой бал. При появлении принца танцы прекратились, и все феи, поражённые его изяществом, выстроились в два ряда, пропуская его. Ренонкюль с этой минуты задумала ему понравиться. Не то чтобы её влекло к нему: она не знала, что значит любить, но её тщеславию льстило отнять победу над Мелидором у всех фей, которые могли на неё притязать. Поэтому

она не переставала посматривать на него и кокетничать, несмотря на знаки феи Миртов, призывавшей её к сдержанности. Даже видя, что юный принц излишне робок и довольно вяло отвечает на её заигрывания, она пригласила его танцевать и, пожав ему руку, прошептала: «О великий боже! Неужели возможно, чтобы ваши глаза так плохо отвечали на то, что мои говорят вам уже целый час?»

— При этих словах Мелидор словно пробудился от глубокого сна и, взглянув на фею большими голубыми глазами, выразившими всё что угодно, только не равнодушие, сказал: «Сударыня, как могу я поверить тому, на что не смел надеяться? Не сон ли моё счастье?» — «Говорите тише, — перебила кокетливая фея, — и приходите сегодня вечером в Миртовый лабиринт. Вы увидите, на что я способна ради вас, если вы меня любите». С этими словами она оставила его, смешалась с танцующими феями и продолжала кокетничать со всеми принцами, присутствовавшими на празднике. Её поведение могло бы привести Мелидора в отчаяние; но он был всецело поглощён победой над Ренонкюль и после её слов не смел сомневаться в её искренности. Неопытный юный принц вообразил, что она поступает так лишь для того, чтобы обмануть бдительность кузины.

— Между тем бал окончился. Мелидор проводил фею Миртов в её покои и полетел к лабиринту. Там он целых два часа с нетерпением и тревогой ждал ветреную Ренонкюль. Наконец она пришла и всей нежностью, которую ему выказала, тотчас заставила забыть только что пережитые мучительные минуты. Восхищённый пылкостью возлюбленной, он поверил, что она испытывает к нему по меньшей мере столько же любви, сколько внушает ему сама.

— Она продолжала назначать свидания юному принцу, который с каждым днём влюблялся всё сильнее и считал себя счастливейшим из людей. Ему недоставало лишь предложения остаться при дворе феи Миртов, и любовь сделала его изобретательным в поисках такого предложения.

— Уже шесть месяцев влюблённые жили в полном согласии, когда Ренонкюль обещала Мелидору подарить свой портрет в том самом лабиринте, который был свидетелем начала их любви. В тот вечер фея Миртов удалилась позже обыкновенного, так что принц, не имевший возможности покинуть её без нарушения приличий, пропустил час, назначенный Ренонкюль. Однако, едва освободившись, он побежал к лабиринту с пылкостью самого нежного из влюблённых. Но, приблизившись к беседке, где Ренонкюль должна была находиться одна, он с большим удивлением услышал, что она с кем-то разговаривает. Он остановился — не столько для того, чтобы подслушивать, сколько чтобы не поставить её в неловкое положение: он полагал, что, быть может, она беседует с одной из подруг, которая пошла за ней и от которой ей не удалось отделаться. Скоро он понял свою ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.